

Об истории притчи о брачном пире

«Притча о брачном пире — одна из притч Иисуса Христа о Царствии Небесном, содержащаяся в евангелиях от Матфея и Луки. В ней Царство Небесное уподобляется человеку, который созывал званых на брачный пир своего сына, но те отказались. Тогда созваны были все прочие, которые пришли и возлежали на пиру, но один из них, одетый неподобающе, был изгнан ...» [Материал из Википедии — свободной энциклопедии](#)

«Лк. 14:16-24 Он же сказал ему: один человек сделал большой ужин и звал многих, и когда наступило время ужина, послал раба своего сказать званым: идите, ибо уже все готово. И начали все, как бы сговорившись, извиняться. Первый сказал ему: я купил землю и мне нужно пойти посмотреть её; прошу тебя, извини меня. Другой сказал: я купил пять пар волов и иду испытать их; прошу тебя, извини меня. Третий сказал: я женился и потому не могу придти. И, возвратившись, раб тот донес о сем господину своему. Тогда, разгневавшись, хозяин дома сказал рабу своему: пойди скорее по улицам и переулкам города и приведи сюда нищих, увечных, хромых и слепых. И сказал раб: господин! исполнено, как приказал ты, и еще есть место. Господин сказал рабу: пойди по дорогам и изгородям и убеди придти, чтобы наполнился дом мой. Ибо сказываю вам, что никто из тех званых не вкусит моего ужина, ибо много званых, но мало избранных.

(Мф. 22:1-14) Иисус, продолжая говорить им притчами, сказал: Царство Небесное подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего и послал рабов своих звать званых на брачный пир; и не хотели придти. Опять послал других рабов, сказав: скажите званым: вот, я приготовил обед мой, тельцы мои и что откормлено, заколото, и всё готово; приходите на брачный пир. Но они, пренебрегши то, пошли, кто на поле своё, а кто на торговлю свою; Прочие же, схватив рабов его, оскорбили и убили их. Услышав о сем, царь разгневался, и, послав войска свои, истребил убийц оных и сжег город их. Тогда говорит он рабам своим: брачный пир готов, а званые не были достойны; Итак пойдите на распутья и всех, кого найдете, зовите на брачный пир. И рабы те, выйдя на дороги, собрали всех, кого только нашли, и злых и добрых; и брачный пир наполнился возлежащими. Царь, войдя посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде? Он же молчал. Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов; Ибо много званых, а мало избранных. »

ЛФ 64. Иисус сказал: У человека были гости, и, когда обед (δεῖπνον) был готов, он сказал своему слуге, чтобы (ἵνα) он пригласил гостей. Он пошел к

первому. Он сказал ему: Мой господин приглашает тебя. Он сказал: У меня есть деньги для торговцев (ἔμπορος). Они придут ко мне вечером. Я пойду и буду отдавать им приказания. Я отказываюсь от приглашения (παραίτεομαι) на обед (δειπνον). Он пошел к другому. Он сказал ему: Мой господин пригласил тебя. Он сказал ему: У меня не будет свободного времени. Он пошел к другому. Он сказал ему: Мой господин приглашает тебя. Он сказал ему: Мой друг женится, и я устраиваю обед (δειπνον). Я не смогу прийти. Я отказываюсь от приглашения (παραίτεομαι) на обед (δειπνον). Он пошел к другому. Он сказал ему: Мой господин приглашает тебя. Он сказал ему: Я купил селение (κώμη). Я иду собирать налог. Я не смогу прийти. Я отказываюсь от приглашения (παραίτεομαι). Пришел слуга (и)сказал своему господину: Те, кого ты пригласил на обед (δειπνον),отказались (παραίτεομαι). Господин сказал своему слуге: Выйди на дороги. Приведи тех, кого найдешь, чтобы они отобедали (δειπνέω). Покупатели и торгов[цы не вой]дут в места (τόπος) моего Отца. [Источник](#)

Эти два канонических повествования (Матфей и Лука) считаются восходящими по сути к одной притче. У обоих евангелистов планируется торжественное мероприятие: у Луки это ужин, у Матфея – брачный пир. На это мероприятие зовутся гости. В обоих изложениях есть первые, званые гости, которые под предлогом работы на поле и торговли отказываются от приглашения. Оба канонических повествования имеют тех нуждающихся, кто действительно туда попадёт и идентичную завершающую трактовку: «Ибо много званых, а мало избранных».

Изложение Луки же имеет ещё идентичное очень близкое по изложению внешнее свидетельство – Логии Фомы, но с иным главным выводом. Далее начинаются расхождения.

Лука мыслит притчу в настоящем времени, в русле протекающей миссии. Проповедь Христа это как призыв к большому, назовём его благотворительному ужину некоего человека. Далее есть группа, что отказалась под предлогами личной занятости и ненужности ей всего этого. И группа, которая оказалась нуждающейся и которую ничего не удерживало от того чтобы попасть на этот ужин. Аналогично в таком русле происходит описание и в Логиях Фомы.

Матфей же здесь выходит за рамки текущей миссии и мыслит такой себе глобальной мессианской перспективой. Пир организывает отец для своего сына, что соответствует уже скорее христианской картине. Далее, этот человек у него уже царь, а значит остальные люди - подданные царства. Поданные не просто отказываются от приглашения, они ещё убивают

посланников царя! Хотя в рамках повествования на это нет никаких причин. Посланники царя мыслятся учениками и последователями Иисуса (а может также и пророками Танаха, ведь миссия уже глобальна). Почему глобальна, потому что Матфей разворачивает грандиозную картину мести царя. Почему грандиозна, потому что царь – собирает войско, начинает войну. Но помним, что это всё является приготовлением к свадьбе! Войска идут на мятежников. Далее берётся город! Представляем себе осаду, стенобитные орудия и метатели снарядов. Город падает, войска царя город вообще сжигают! И это всё в подготовке к свадьбе творится. Война победоносно окончена. После этого перед нами снова пересечение Матфея с повествованием Луки. Царь ищет гостей свадьбы в среде «нищих, увечных, хромых и слепых» прямо на улицах. Собираются нуждающиеся, с тем исключением, что Матфей мстью и победной войной царя уже перенёсся в грядущие эсхатологические события и надо полагать второго пришествия с явлением царя. У Луки, как и у Фомы, всё идёт в рамках текущей миссии. Да здесь у них собственно и не важен вопрос второго пришествия, есть призыв на ужин. Он у Луки как и Фомы остаётся событием, которое выходит за рамки притчи, и может протекать как и в будущем так и уже сейчас в настоящем. Акцент же делается не на самом зовущем на ужин и даже не на ужине, а на призыве тех, кто войдёт и кто нет. И если у Луки и Фомы нуждающиеся там те, кто реально голодает в замысле притчи, то у Матфея это уже вопрос почитания царя и свадьбы его сына.

Матфей же движется далее уже в эсхатологии. Перед нами некие далеко грядущие события, что происходят после мести царя и начала брачного пира. Там перед нами уже подразумеваются либо некое новое царство мессии либо воскресение с явившимися воскресшими.

Примечательная история позванного на брачный пир «Василия», который оказался не в той одежде. После строгого вопроса, как он тут оказался (а ведь приказ был собирать всех подряд) его выгоняет «секьюрити». Но не просто куда-то на улицу, как случайно вдруг попавшего, а связанного по рукам и ногам прямиком во тьму внешнюю, где будет плач и скрежет зубов. Как бы из царства прямо в ад

Отсюда и вывод. Имея одну и ту же первичную основу Матфей уже превратил её в некую далёкую будущую эсхатологию, с

царём и сыном, с пришествием царя, с населением земли, как поданными этого самого царя, с разгромом вражьего мятежного города, началом нового царства, предположительно воскресением и самым брачным пиром уже там.

Перед нами и очевидное личное направление движения мысли евангелиста Матфея.

Лука в свою очередь, как и Фома, остались в рамках текущей миссии, которая совершалась здесь и сейчас. По большому счёту у Матфея - уже совершенно и не притча, а конспект возникшего катехизиса и самый настоящий эсхатологический блокбастер с его необходимыми составляющими: гонениями посланников, вторым пришествием, войной возмездия и наказания противников, новым царством, воскресением, проверкой на чистоту и отправлением во тьму внешнюю того, кто вдруг оказался там, но не прошёл проверку.

И зря «Василий» вообще подписался на такое, кто мог подумать, что так закончится всё плохо. Ну а как Вася воскрес? Да кто его знает, технический сбой наверное. Студия LOST и не на такое способна :). Но это скорее неучтённый курьёз построения катехизиса.

Возможно что Матфей именно так дополнительно пояснил смысл фразы: «Ибо много званых, а мало избранных». Ведь даже из тех, кто пришёл на пир, не все там смогут остаться.

Притча у Луки и Матфея оканчивается завершающей фразой – «много званых, но мало избранных». И отражает она, по-видимому, суть наблюдаемого проповеднического явления, в котором зовутся если не все люди, то очень и очень многие, но избираются из них - меньшинство, те кто откликнулись на призыв и даже не все из них самих. У Фомы в свою очередь построение притчи более житейское и понятное с точки зрения обычного рядового слушателя. Откликнуться на приглашение к благотворительному ужину только реально нуждающиеся, а имеющие в этом мире свои интересы – откажутся, не имея на тот ужин по большому счёту необходимости. Для Фомы завязанные на эти интересы этого мира - «покупатели и торговцы» и именно они «не войдут в места моего отца».

При сравнении канонического повествования с версией Фомы обнаруживается свой уже интересный момент. Концовки Фомы и синоптической версии – различны. Синоптики фактически притчей поясняют понятие

«избранности». Евангелисты по-житейски видят, что учение проповедуется, но мало кто на него окликается. И синоптики именно откликнувшихся на призыв называют избранными. Матфей же ещё дополняет, что и среди откликнувшихся не все избраны. Интересно, что тема избранничества проходит через множество мест того же Нового Завета. Однако возникает впечатление, что здесь синоптики пытаются дать своё уже понимание избранничеству. У них по сути не людей ужина (пира) избирают, а они лично сами эти люди избирают свой путь. Не проще бы их в таком случае было бы обозначить не избранными, а просто – откликнувшимися? В самом же НЗ тема избранности освещена совершенно в ином ракурсе. Возникает впечатление, что Матфей и Лука таким образом этой притчей и поясняют по-своему уже не понятное им избранничество. Логии Фомы теме избранности уделяют уже отдельное внимание в другом месте и со своим там смыслом, который также во многом пересекается с самим новозаветным источником. Примечательно, что в версии Фомы данная притча с темой избранности никак не связана. И Логии Фомы здесь дают соответственно иной поучительный смысл.

Таким образом, хочется отметить по сравнению трёх источников следующее. Изложение притчи Матфеем представляется расширением по отношению к варианту Луки (или к их общему источнику). Если Лука мыслит притчу в рамках вершащихся настоящих событий, то Матфей переносит смысл в будущее создавая вместо притчи уже некий эсхатологический катехизис. Лука очень близок к Фоме, за исключением главной концовки. Притча в версии Фомы не пытается давать собой объяснение избранности и имеет наиболее практичный, по-житейски понятный слушателю и более самодостаточный смысл с текстом, претендующим на именование как протографа.

Часть 2.

Можно и предположить, что евангелист Матфей не придумывает историю с царём его праздником и его войнами. Он берёт её из своего источника (как например притчу о 10 девах) и добавляет в эту историю лишь элементы из Луки (или Евангелия Господнего). Ведь реально по объёму у Матфея

используются всего лишь элементы притчи, отражённой у Луки и Фомы. И эти элементы – совсем незначительны, да и плохо логически сочетаются со всем изложением. При этом в истории Матфея - базовая притча, например, звучала где-то так.

Был некий царь, у которого сын – женится. И вот он приглашает гостей, конечно же знатных в первую очередь! И вот незадача – этот царь с его свадьбой никому оказался не нужен вообще. Все жутко заняты, что не могут даже на пару деньков на свадьбу прийти, притом к самому царю. Царя не ставят ни во что. (Тут происходит первая вставка по мотивам притчи у Луки). Далее, царь организовывает поход против таких нехороших «званных». Убивали там посланников царя в предполагаемом оригинале или нет – неизвестно. Царь расправляется с неугодными и зовёт, скажем так, из социально низших слоёв, т.е. кого попало, и кто царю никогда бы не был бы нужен вообще и кто бы никогда не был позван в случае прихода знаменитых гостей! Тех буквально «загребли» (как в военкомат) откуда только возможно, не взирая, хотят они или не хотят, нужно оно им или нет. Власть приказала - всех загребли и конечно же как положено у царя и нарядили (как бы исторически - наряжали сами приглашающие). И далее начинается – маскарад. Все поели и лежат - не рыпаются, смотрят представление, тут является царь и находит виноватого во всём. Виноватого ведь самого сюда силой притащили и со всеми положили, а он гадёныш – рыжий, совсем не такой как все, ему не весело совсем. У него спрашивают, как попал, а он – молчит! Тут его связали и наказали, например, били или казнили. Остальные естественно спокойно вздохнули, что пронесло и стали усиленно веселиться, и некуда ведь деваться от этого цирка. Избавился лишь один, который под дудку решил не плясать. Надо полагать – спасся.

Получается в общем сатирическая картина.

Матфей в таком случае притчу понимает конечно же по своему, эсхатологически. Например, добавляет историю про убийство рабов (посланников царя), но фактически переносит этот элемент из притчи о злых виноградарях, согласно своего понимания. Добавляет также картину выкидывания неугодного в тьму внешнюю (возможно в оригинале было просто изгнание или всё-таки казнь).

Если анализировать сатиру в предполагаемых протографов

Матфея, то это и не единственный пример.

Тут у нас и картина о доме с рабами

[http://spinavig.s62.in.uaa/bout the house waiting for the thief.pdf](http://spinavig.s62.in.uaa/bout%20the%20house%20waiting%20for%20the%20thief.pdf),

притча о десяти девах, а также уже хоть и не столь сатиричная притча - о негодном рабе,

[http://spinavig.s62.in.ua/about the wily slave.pdf](http://spinavig.s62.in.ua/about%20the%20wily%20slave.pdf)

в ней сходная тематика о странном правителе и неугодном рабе, с которым разделяются.

Матфею в таком случае понравилась некая базовая притча, в которой он увидел свою любимую эсхатологию, немного подправил в русле материала притчи об ужине ну и получил у себя расширенный вариант.

**(с) Влад Вальберг
Апрель 2019**